

Обзор дисциплинарной практики за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с публичным (в том числе протестным) поведением адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, а также в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

1. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку доводы обращения судьи о нарушении адвокатом порядка в судебном заседании и его высказываниях оскорбительного характера неконкретны и не подтверждены доказательствами.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 02 марта 2022 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по обращению судьи Н. городского суда К. края К. от 27 декабря 2021 года № ... (вх. № ... от 10.01.2022), необходимо прекратить вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Н. городским судом К. края рассмотрено уголовное дело в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ, Ба., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ. 18 февраля 2022 года по делу вынесен обвинительный приговор.

Защиту подсудимого Ба. на основании соглашения осуществлял адвокат Б., подавший на вышеуказанный приговор апелляционную жалобу с ходатайством об ознакомлении с протоколом и аудиозаписью судебного заседания по уголовному делу №

Обратившись после завершения судебного разбирательства в Адвокатскую палату города Москвы, судья Н. городского суда К. края К. указал, что при рассмотрении уголовного дела адвокат Б. систематически нарушал порядок в судебном заседании: перебивал председательствующего и других участников процесса, вступая с ними в пререкания, на замечания председательствующего не реагировал; допускал высказывания оскорбительного характера в отношении других участников процесса, переходя на личности, в том числе и в отношении своих коллег (других

адвокатов, участвовавших в этом уголовном деле). В связи с указанными действиями адвокату Б. за время его участия в судебном заседании было объявлено «более 29 предупреждений о недопустимости такого поведения, которые никакого воздействия не возымели». В подтверждение вышеуказанных претензий заявителем были представлены выписки из протокола судебного заседания.

Рассматривая выдвинутые в обращении дисциплинарные обвинения, Совет в первую очередь отмечает, что они, вопреки предписания п.п.6 п.2 ст.20 Кодекса профессиональной этики адвоката, заявителем не конкретизированы.

Так, в обращении заявителя не указано: каким образом и по какому поводу адвокат Б. вступал в пререкания с председательствующим и другими участниками процесса; в каких именно высказываниях со стороны адвоката Б. заявитель усматривает «переход на личности»; в отношении каких именно участников процесса адвокат Б. допускал высказывания оскорбительного характера, и какие именно.

Приложенные к обращению выписки из протокола судебного заседания на 37 листах содержат сведения о многократном объявлении адвокату Б. предупреждений в порядке, предусмотренном ст.258 УПК РФ, а также о заявлении адвокатом Б. возражений против действий председательствующего на основании ч.3 ст.243 УПК РФ. Но сам по себе факт объявления адвокату Б. «более 29 предупреждений» не может рассматриваться как доказательство обоснованности выдвинутых против него дисциплинарных обвинений в отсутствие указаний на конкретные действия адвоката, которые должны были бы стать предметом оценки органами дисциплинарными органами адвокатской палаты. Однако такие действия в обращении не описаны, в выписках из протокола судебного заседания они также не конкретизированы, в ряде случаев вообще неясна причина реагирования председательствующего.

Так, например, непонятно, почему, согласно выписке из протокола судебного заседания за 23 августа 2021 года, квалифицирована как неподобающая и явившаяся основанием для объявления адвокату Б. предупреждения его фраза: «Я сейчас высказываюсь, говорю свое мнение. Документ, который мы огласили, не является ни протоколом допроса, ни протоколом опознания».

Недоступна осмыслению и следующая запись, содержащаяся в выписке из протокола от 22 апреля 2021 года: «Председательствующий объявляет защитнику-адвокату Б. предупреждение с председательствующим...».

Органы адвокатского самоуправления при осуществлении дисциплинарного производства последовательно исходят из того, что «...Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто

обвинение в ненадлежащем поведении» (Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С.192-193).

По существу выдвинутых против него дисциплинарных обвинений Б. признал лишь то, что, реагируя на многочисленные нарушения, допущенные председательствующим судьёй при рассмотрении уголовного дела, участники судебного разбирательства неоднократно заявляли об отводе судьи, а также возражали против действий председательствующего в порядке, установленном ч.3 ст.243 УПК РФ, что, по утверждению адвоката Б., и влекло «очередные необоснованные замечания» в их адрес. Адвокат Б. отрицает, что пререкался с судьёй и иными участниками уголовного судопроизводства, и утверждает, что его действия сводились к реализации процессуальных прав, в том числе права возражать против действий председательствующего.

В связи с этим Совет вновь повторяет, что «в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность: заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и т.д., однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом-защитником процессуальных прав предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством» (Указ. Сборник. С. 205).

Кроме того, протокол судебного заседания допускается в качестве доказательства только в том случае, если он соответствует требованиям, установленным законом. Отсутствие в материалах уголовного дела протокола судебного заседания является безусловным основанием к отмене приговора вышестоящей судебной инстанцией и направлению уголовного дела на новое рассмотрение (п.11 ч.2 ст.389.17 УПК РФ).

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что требования к ведению протокола судебного заседания определяют его значение как процессуального документа, призванного достоверно и последовательно отражать ход судебного разбирательства, способствовать постановлению приговора в соответствии с доказательствами, исследованными в судебном заседании, и обеспечивать возможность контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при разрешении уголовных дел (Определения от 2 июля 2009 года № 1014-О-О, от 17 ноября 2011 года № 1558-О-О, от 24 июня 2014 года № 1433-О, и др.).

Однако из материалов дисциплинарного дела следует, что как на момент направления заявителем обращения в Адвокатскую палату города Москвы, так и во время рассмотрения настоящего дисциплинарного производства заявителем не были представлены ни протокол судебного заседания, ни его аудиозапись. При этом сведения об изготовлении протокола судебного заседания на странице Н. городского суда К. края в ГАС «Правосудие» в

информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<<https://norilsk--krk.sudrf.ru>>) отсутствовали.

Представленные заявителем выписки из протокола судебного заседания содержат многочисленные изъятия, обозначенные многоточиями, что не позволяет их рассматривать даже как изготовленные в порядке ч.6 ст.259 УПК РФ части протокола судебного заседания. При таких фрагментарности и неконкретности вышеуказанные выписки из протокола судебного заседания фактически являются лишь формой выражения позиции заявителя. При этом они являются единственным документальным обоснованием выдвинутых им дисциплинарных обвинений.

Адвокат Б. оспаривает достоверность содержания представленных заявителем в материалы дисциплинарного производства выписок из протокола судебного заседания и указывает на свое намерение принести замечания на протокол судебного заседания после того, как получит возможность с ним ознакомиться.

При этом адвокат Б. в своих объяснениях последовательно указывает, что ему не была предоставлена возможность ознакомления с протоколом судебного заседания, что лишило его возможности принесения на него замечаний в установленном порядке. Эти объяснения адвоката Б. не опровергнуты.

Совет исходит из того, что «при необеспечении участникам уголовного судопроизводства прав на ознакомление с протоколом судебного заседания и принесение на него замечаний невозможно судить о достоверности сделанных в протоколе записей». Выписка из протокола судебного заседания – «это часть протокола, она не может существовать изолированно от самого протокола» (Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2007 г.: [сборник] / Адвокатская палата города Москвы; [сост. и отв. ред. Н.М. Кипнис]. – М.: ИД «Юстиция», 2013. С. 653).

Как отмечено выше, заявителем не представлено доказательств того, что протокол судебного заседания по уголовному делу был изготовлен сформирован и право принести на него замечания было обеспечено участникам судебного разбирательства, ходатайствовавшим об ознакомлении с ним, в том числе адвокату Б.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что выдвинутые в обращении заявителя - судьи Н. городского суда К. края К. дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Б. в нарушении порядка в судебном заседании и высказываниях оскорбительного характера неконкретны и не доказаны, а, следовательно, презумпция добросовестности адвоката Б. не опровергнута.

На основании изложенного, руководствуясь пп.9 п.3 ст.31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп.2 п.1 ст.25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре

адвокатов города Москвы) по обращению судьи Н. городского суда К. края К. от 27 декабря 2021 года № ... (вх. № ... от 10.01.2022), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Адвокат получил предупреждение за использование обцененной лексики в комментарии, опубликованном в социальной сети.

Квалификационной комиссией 2 февраля 2022 года вынесено заключение о нарушении адвокатом Т. взаимосвязанных положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в употреблении им 28 ноября 2021 года нецензурного слова «повые**ваться» в публичном комментарии публикации адвоката Ч. «При выходе из вагона не забывайте свои вещи» в закрытой группе «Адвокаты по уголовным делам» социальной сети «...» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Заявитель адвокат Ч., извещённый надлежащим образом, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление (вх. № ... от 22.03.2022), в котором сообщил о своевременном получении Заключения Квалификационной комиссии и просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Адвокат Т. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, с которым не согласился, сославшись на безадресный характер своего комментария и отсутствие умысла на оскорбление заявителя, а лишь высказал своё мнение. Полагал, что Квалификационная комиссия вышла за пределы жалобы адвоката Ч., и просил дисциплинарное производство прекратить.

В письменных объяснениях, представленных в дисциплинарное производство, адвокат Т. указывал на случайное нажатие клавиш компьютера в результате использования им метода набора текста «вслепую», что привело к ошибочному написанию нецензурного слова в тексте его комментария вместо цензурного.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Т., Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Материалами дисциплинарного производства установлено что 28 ноября 2021 года адвокатом Ч. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в социальной сети «...» в закрытой группе с названием «Адвокаты по уголовным делам», имеющей более 4,5 тысяч участников, был опубликован текст с названием «При выходе из вагона не забывайте свои вещи», содержащий анализ спорной уголовно-правовой квалификации по одному из уголовных дел, по которому адвокат Ч. осуществлял защиту обвиняемого.

Адвокат Т., зарегистрированный в социальной сети «...» в этом качестве и указавший в открытой для неограниченного круга лиц информации о себе, что он работает в Адвокатском кабинете Т., откликаясь на указанный выше пост адвоката Ч. от 28 ноября 2021 года в закрытой группе «Адвокаты по уголовным делам» в указанной социальной сети, оставил комментарий следующего содержания: «У адвоката желание повые**ваться не должно превалировать над необходимостью действовать в интересах подзащитного. Мне так кажется».

Написание и авторство данного комментария именно такого содержания с использованием нецензурного слова адвокатом Т. не отрицается.

Совет принимает во внимание неоднократное изменение адвокатом Т. своей защитительной позиции в ходе дисциплинарного разбирательства: от явно надуманного довода о случайном (ошибочном) написании нецензурного слова вместо цензурного до признания факта его написания с одновременным отрицанием вины в совершении какого-либо нарушения профессиональной этики.

Кроме этого, как следует из направленной самим адвокатом Ти. в материалы дисциплинарного производства полной распечатки первичного поста адвоката Ч., с комментариями к нему в социальной сети «...», заявитель – адвокат Ч. в ответ на комментарий адвоката Т., содержащий нецензурное слово, сразу же указал ему на это обстоятельство, предупредив о своих намерениях обжаловать данное поведение адвоката Т. в Адвокатскую палату, на что последний, не предпринимая никаких попыток исправить ситуацию, написал в следующем своём публичном комментарии, обращаясь к адвокату Ч.: «Можете в жалобе добавить, что я считаю вас дураком».

В соответствии с Правилами поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года (протокол № 7), выражение своей публичной позиции адвокатом по правовым и иным социально значимым проблемам должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета (п. 1.2 Правил).

На поведение адвоката в сети «Интернет» распространяются правила осуществления профессиональной деятельности, содержащиеся в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре, иных нормативных правовых актах, нормах профессиональной этики адвоката, решениях органов адвокатской палаты (п. 2.1.1 Правил).

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Т., будучи официально зарегистрированным в социальной сети «...», с указанием для неограниченного круга лиц на своей личной странице сведений о своей принадлежности к адвокатскому сообществу и использовав при

комментировании текста адвоката Ч. с названием «При выходе из вагона не забывайте свои вещи» в закрытой группе «Адвокаты по уголовным делам» указанной социальной сети нецензурного слова, допустил нарушение взаимосвязанных положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии) и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан уважать права, честь и достоинство... других лиц, придерживаясь манеры поведения..., соответствующей деловому общению).

Совет подчёркивает, что само по себе использование адвокатом в публичной дискуссии, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обсценной лексики недопустимо в принципе и не может быть оправдано никакими обстоятельствами, что прямо вытекает из положения п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, требующего от адвоката в любом случае сохранять честь и достоинство, присущее его профессии.

Более того, как следует из объяснений самого адвоката Т., ему достоверно известны различные синонимы, которыми без потери смысла и содержания его комментария можно было заменить использованное им нецензурное слово. Это обстоятельство дополнительно подтверждает умышленный характер совершённого им нарушения.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Т. за совершенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является грубым и умышленным и при этом сознательно не признаётся адвокатом Т. Совет полагает, что его недопустимое профессиональное поведение наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат Т. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату Т. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката выразившееся в употреблении им 28 ноября 2021 года нецензурного слова «повые**ваться» в публичном комментарии к публикации адвоката Ч. «При выходе из вагона не забывайте свои вещи» в закрытой группе с названием «Адвокаты по

уголовным делам» социальной сети «...» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

3. Адвокату объявлено замечание за опубликование на персональном сайте вводящей в заблуждение информации и недопустимых высказываний.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 08 декабря 2021 года адвокатом Е. допущены:

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъектов Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции»*), п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство... других лиц»*), а также п. 1.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года (протокол № 7) (*«Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения»*), выразившееся в размещении им в период с 07 ноября 2020 года по 21 сентября 2021 года включительно в разделе «Консультации online» сайта «Адвокат ...», расположенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <<http://...>>, в тексте письменной консультации адвоката Е. на вопрос «О. из города Москвы» высказывания следующего содержания: *«...нотариусами становятся за взятку и они часто плохо знают закон»*;

- нарушение пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката (*информация об адвокате и адвокатском образовании не должна содержать заявлений... двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей*), выразившееся в указании в разделе «Контакты» сайта «Адвокат ...», расположенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <http://...>, сведений о том, что адвокат Е. *«работает в Коллегии адвокатов «...»*», тогда как по сведениям реестра адвокатских образований и их филиалов на территории города

Москвы адвокат Е. осуществляет свою профессиональную деятельность в адвокатском кабинете Е.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Ер. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получено ею своевременно, с содержанием Заключения она ознакомлена и согласна с выводами Комиссии, предложила применить к адвокату Е. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Адвокат Е. в заседании Совета пояснил, что Заключение Квалификационной комиссии получено им своевременно, с содержанием Заключения ознакомлен и согласен с выводами Комиссии. Просил учесть, что нарушения им были совершены неумышленно и устранены, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат Е. с 03 марта 2003 года по настоящее время осуществляет свою профессиональную деятельность в адвокатском кабинете, имеет личный профессиональный сайт в информационно-телекоммуникационной системе «Интернет» по электронному адресу: <<http://...>> с названием «Адвокат ...», свидетельствующим о его принадлежности к адвокатскому сообществу.

В период с 07 ноября 2020 года по 27 сентября 2021 года включительно на указанном сайте в разделе с названием «Консультация online» в ответе адвоката Е. на вопрос «О. из города Москвы» была размещена информация следующего содержания «...нотариусами становятся за взятку, и они часто плохо знают закон».

Адвокат Е., не оспаривая наличие указанной информации на его сайте в указанный период времени, указал, что данная строка к его ответу на вопрос «О. из города Москвы» была в неустановленный период времени самостоятельно добавлена модератором его сайта, с которым у него был заключен Договор оказания соответствующих услуг.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией, отклонившей данный защитительный довод адвоката Е., поскольку вся информация, размещенная на сайте <<http://...>> с названием «Адвокат ...», считается размещенной именно адвокатом Е., и он несёт за эту информацию ответственность независимо от того, самим адвокатом или находящимся в его распоряжении техническим специалистом, оказывающим адвокату помощь, осуществлялось её техническое размещение на сайте. Применительно же к информации, являющейся непосредственным ответом (консультацией) адвоката Е., эта ссылка тем более несостоятельна и является попыткой адвоката переложить персональную ответственность за соблюдение требований профессиональной этики на иное лицо, не несущее такой ответственности. Квалификационная комиссия правильно указала в

Заклучении, что даже возможная недобросовестность или некомпетентность какого-либо технического специалиста, оказывающего помощь в обслуживании личного сайта адвоката, не снимает с адвоката ответственности за содержание всей информации, размещенной на его сайте.

Совет, соглашаясь с оценкой действий адвоката Е. Квалификационной комиссией, обращает внимание на следующее.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции, обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

«Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной системе «Интернет»», утвержденные Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года (протокол № 7) и опубликованные на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/>>, в п. 1.3 устанавливают, что *«Поведение адвоката в сети «Интернет», как форма его публичной активности, должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения»*. В пункте 2.4.2 указанных Правил указано: *«...адвокаты должны постоянно проверять свои Интернет-ресурсы на наличие посторонней информации»*. Нарушение адвокатом указанных Правил, в соответствии с их п. 1.4, может расцениваться как нарушение правил адвокатской профессии, норм профессиональной этики адвоката и стать основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Е., разместив в период с 07 ноября 2020 года по 21 сентября 2021 года включительно в разделе «Консультации online» сайта «Адвокат ...», расположенного в информационно-телекоммуникационной системе «Интернет» по адресу: <<http://...>>, в тексте письменной консультации адвоката Е. на вопрос «О. из города Москвы» высказывания следующего содержания : *«...нотариусами становятся за взятку и они часто плохо знают закон»*, нарушил пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также п. 1.3 Правил поведения адвоката в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года (протокол № 7).

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Е. в указанной части опровергнутой, а его вину в совершении нарушения доказанной.

Материалами дисциплинарного производства также установлено, что в период с 07 декабря 2020 года по 06 декабря 2021 года включительно на сайте с названием «Адвокат ...», расположенного в информационно-телекоммуникационной системе «Интернет» по электронному адресу: <<http://...>> в разделе с названием «Контакты», адвокатом Е. было указано, что он *«работает в Коллегии адвокатов «...»*», с указанием адреса данного образования.

В письменных объяснениях адвокат Е. и его представитель адвокат Г. в заседании Квалификационной комиссии пояснили, что данная фраза свидетельствует только о месте дислокации адвоката Е., а не является указанием на то, что адвокат Е. является членом Коллегии адвокатов «...».

Квалификационная комиссия, не согласившись с доводами адвоката Е. и его представителя адвоката Г. в заседании Квалификационной комиссии, в своем Заключении отметила, что на сайте с названием «Адвокат ...», расположенного в информационно-телекоммуникационной системе «Интернет» по электронному адресу: <<http://...>> в разделе «Контакты», отсутствуют какие-либо сведения реального вида адвокатского образования, избранного адвокатом Е. для ведения адвокатской деятельности и отсутствие данных об адвокатском кабинете Е.

Фраза *«адвокат Е. работает в Коллегии адвокатов «...»*» не может рассматриваться, как физическое местонахождение адвоката Е., а напротив, формирует понимание, свидетельствующие о вхождении адвоката Е. в Коллегию адвокатов «...» в качестве ее члена, а указание адвоката Е. в этом же разделе сайта своего местонахождения по адресу Коллегии адвокатов «...», только убеждает любое лицо, включая его доверителей, о вхождении адвоката Е. в состав членов указанной коллегии. Дополнительным фактором, свидетельствующим о формировании у потенциальных доверителей мнения о принадлежности адвоката Е. к членам Коллегии адвокатов «...» является также тот факт, что под каждым ответом на сайте с названием «Адвокат Е.», в разделе «Консультация online» адвокат Е. отмечает, что консультирует в качестве адвоката указанной Коллегии, а не Адвокатский кабинет «Е.».

Утверждения адвоката Е., указанные в его письменных объяснениях о том, что он заключает соглашения с доверителями только от имени своего адвокатского кабинета, а не как член Коллегии адвокатов «...», только дополнительно вводит в заблуждение потенциальных доверителей, которые обосновано могли воспринимать его, как члена Коллегии адвокатов «...».

При таких обстоятельствах, Квалификационная комиссия, давая оценку действиям адвоката Е., пришла к выводу, что информация об адвокате Е., о «работе» его в Коллегии адвокатов «...» и виде избранного им адвокатского образования в разделе с названием «Контакты» на сайте «Адвокат Е.», расположенного в информационно-телекоммуникационной системе «Интернет» по электронному адресу: <<http://...>>, не соответствовала

действительности, что могло ввести потенциальных доверителей в заблуждение.

Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку в соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, информация об адвокате и адвокатском образовании не должна содержать *заявлений... двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение доверителей*, что выразилось в указании в разделе «Контакты» сайта «Адвокат Е.», расположенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет по адресу <<http://...>> сведений о том, что адвокат Е. *«работает в Коллегии адвокатов «...»*», тогда как по сведениям реестра адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы адвокат Е. осуществляет свою профессиональную деятельность в адвокатском кабинете Е.

В соответствии с требованиями Разъяснений Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 17 апреля 2019 года № 01/19 «По вопросу применения пункта 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката», размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений влечет подрыв доверия как непосредственно к адвокату, распространившему недостоверную информацию о себе, так и к адвокатуре в целом. Указанные положения ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката необходимо толковать в их системной связи с положениями ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым... убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему, а адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или адвокатуре.

При таких обстоятельствах Совет признает, что адвокат Е. нарушил пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, а презумпцию добросовестности в указанной части дисциплинарного обвинения опровергнутой и его вину в совершении нарушения доказанной.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъектов Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката), а также уважать права, честь и достоинство... других лиц (п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Е. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет учитывает изложенные обстоятельства и последствия их совершения. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Е. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал факт допущенных им нарушений. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Е. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18 и пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Е. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за допущенные нарушения, а именно:

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъектов Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции»*), п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство... других лиц»*), а также п. 1.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года (протокол № 7) (*«Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения»*), выразившемся в размещении им в период с 07 ноября 2020 года по 21 сентября 2021 года включительно в разделе «Консультации online» сайта «Адвокат Е.», расположенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <<http://...>>, в тексте письменной консультации адвоката Е. на вопрос

«О. из города Москвы» высказывания следующего содержания:
«...нотариусами становятся за взятку и они часто плохо знают закон»;

- нарушение пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката (информация об адвокате и адвокатском образовании не должна содержать заявлений... двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей), выразившемся в указании в разделе «Контакты» сайта «Адвокат Е.», расположенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <<http://...>> сведений о том, что адвокат Е. «работает в Коллегии адвокатов «...»», тогда как по сведениям реестра адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы адвокат Е. осуществляет свою профессиональную деятельность в адвокатском кабинете Е.